

Независимая газета

Импровизаторы у власти

Разглядеть нашу стратегическую перспективу – задача безнадежная

2008-06-17 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Российские и зарубежные наблюдатели замерли и ловят сигналы из Кремля и Белого дома. Изучаются лексика и тональность высказываний Медведева (вроде бы либеральные) и его манера поведения (похоже, пока что – скованная). Очень много внимания было уделено выражению лица Путина на инаугурации его преемника (вроде бы страдальческое и растерянное). Тщательно подсчитываются упоминания Медведева и Путина в официальных СМИ (Медведев опережает). Естественно, изучаются перестановки в высших эшелонах (тут пока ничего не понятно). Никто ничего не знает, все только гадают – придет ли с Медведевым «оттепель», долго ли протянется и чем кончится теперешнее «двоевластие», вообще – что будет через год и что будет в 2012 году. Дальше никто даже не загадывает.

Тайна великого плана

Закрытость и таинственность нашей власти нарастали параллельно усилению ее независимости от общества весь постсоветский период, но при Путине достигли размеров, по-моему, превышающих как раннесоветские, так и позднесоветские и сравнимых разве что со сталинскими. Операция «преемник» была проведена с просто потрясающей закрытостью, и очень похоже, что наши Ивановы и Зубковы (а возможно, и Медведев) представляли себе «план Путина» не лучше, чем Бухарины и Ягоды – планы Сталина. А затем тайна, окутывавшая операцию «преемник», плавно перешла в тайну теперешнего «двоевластия».

Стремление правителя к тайне естественно и нормально, хотя у Путина в силу особенностей его характера и профессии оно принимало, пожалуй, несколько гипертрофированный характер. Соккрытие информации неотделимо от власти. Если ты что-то для себя решил, тебе уже не нужны советы, они только создают лишний «шум», и если у тебя есть план, который, как ты полагаешь, может встретить сопротивление, то лучше, чтобы те, кого ты опасаясь, его не знали.

Однако таинственность власти имеет и другие функции. Настоящий тайный план человек стремится действительно держать в тайне, не показывать, что он – есть. Но таинственность правителей чаще всего имеет демонстративный характер: она призвана порождать в подданных чувство бессилия – и одновременно и страх, и надежду. Правитель должен демонстрировать уверенность в себе и наличие глубоко продуманных, но тайных планов, даже если он абсолютно ни в чем не уверен и никаких планов у него нет. И чем меньше у него планов, тем более он должен показывать, что они есть.

В путинской операции «преемник» и ее теперешнем продолжении есть очень много элементов, которые, я думаю, проще объяснить не какими-то макиавеллистскими хитростями и тайными планами, а, наоборот, отсутствием ясных планов и неопределенностью целей.

То, что Путин решил соблюсти Конституцию и уйти с поста президента, – ясно (хотя внятно объяснить, для чего – очень трудно). Но для чего надо было устраивать игру рейтингов Иванова и Медведева? Просто чтобы потом посмеяться над Ивановым? Для чего нужно было менять Фрадкова на Зубкова, который, похоже, на минуту даже подумал, не станет ли он сам преемником? Для чего нужно было создавать противовес «Единой России» в виде «Справедливой России», чтобы потом самому эту «Единую Россию» возглавить (что теперь делать со «Справедливой Россией» – непонятно)? Путин, похоже, был совершенно искренен, когда говорил, что он «пахал» восемь лет и устал. Но если ты устал, то для чего тогда становиться премьером, – работы не меньше, а нервовтрепки значительно больше. Путин, несомненно, запутывал ходы, чтобы никто не мог догадаться, что он задумал. Наверное, он наслаждался тем, как никто ничего не может понять. Но очень похоже, что он при этом и сам толком не знал, что задумал. Он импровизировал на ходу, и в голове у него были разные, неустойчивые и противоречащие друг другу планы, и его маска человека, имеющего твердый, но тайный план, была призвана прикрыть противоречивость стремлений и растерянность.

Об идеях и ценностях

Вообще в ситуации Путина наличие противоречивых стремлений естественно. Путин решил соблюсти Конституцию и уйти. Но просто невозможно, чтобы человек, решивший уйти с поста, связанного с колоссальной властью и почетом, так ни на минуту и не пожалел бы о своем решении. Он избрал в преемники Медведева, но опять-таки просто немыслимо, чтобы у него так с самого начала и до конца не было никаких сомнений. Не может быть, чтобы он ни на одну секунду не думал: «А может, лучше все-таки Иванова или даже Матвиенко?» Он устал, но не может представить себе, чем будет заниматься как частное лицо. Он доверяет Медведеву, но не может не помнить, что Ельцин своему преемнику тоже полностью доверял и это отнюдь не помешало ему, Путину, разогнать всех ельцинских людей и строить свой имидж на противопоставлении себя Ельцину, поэтому он «обкладывает» Медведева своим премьерством и своим лидерством в «Единой России». Противоречивость стремлений, трудность для Путина решить что-то «до конца» и возможность для него (во всяком случае, пока он был президентом) придумать и осуществить любую, даже самую странную конструкцию породили теперешнюю половинчатую и противоречивую ситуацию: вроде ушел, но вроде и не ушел – и, может, еще вернется.

Но это отсутствие плана, скрываемое созданием иллюзии тайного плана, объясняется не только характером Путина и его ситуацией. Оно, как я думаю, связано и с крайней противоречивостью, неопределенностью «системы ценностей» нашего бывшего президента.

Желаний всегда много, они могут быть самыми противоречивыми и причудливыми. Но идеологии, системы ценностей какие-то желания

подавляют, а каким-то, наоборот, придают дополнительную силу. Если бы Путин решил для себя, что России нужна диктатура, естественное желание не оставлять власть могло бы стать сильным сознательным мотивом, и он бы поста президента не оставил. Если бы, наоборот, он считал, что нужна демократия, он вообще действовал бы совершенно иначе и будучи президентом, и уходя с поста. Но в том-то и дело, что ни ясных антидемократических (монархических, коммунистических, фашистских, еще каких-нибудь), ни ясных демократических убеждений у него нет.

Он постепенно урезал демократические завоевания рубежа 80-х и 90-х, но делал это не потому, что считал, что демократия – это очень плохо, а по естественному инстинкту правителя и потому, что так легче и проще всего решались разные возникающие перед ним частные проблемы. Диктатура оформлялась сама собой, но, когда до нее оставался один шаг, он на него не решился, ибо становиться диктатором со всеми вытекающими из этого последствиями он тоже не хотел. И вообще он – «настоящий демократ». У него нет никакого ясного образа желательной модели политического строя России будущего. Система назначаемых преемников, возникшая при смене Ельцина Путиным и продолженная со сменой Путина Медведевым, – это не план, не «модель», за ней нет никакого идейного обоснования. И тем более никакая не модель – причудливая ситуация ухода президента на пост премьера. Ни Путин, ни кто-либо другой никогда не скажет: «Президенты должны назначать преемников и сами становиться премьерами – вот система, которая должна сохраниться в России на века и которую Россия являет миру как образец для подражания!»

Наша каша

Если попытаться по разным речам, высказываниям и действиям вычленить идеологию Путина – ничего не получится. «Советский Союз оказался нежизнеспособен» (интересно, почему?). «Распад СССР был крупнейшей геополитической катастрофой». Что это значит? Когда он понял, что это – катастрофа? Если давно понимал, то почему не защищал его, хотя бы с гэкачепистами? 90-е годы преподносятся Путиным как годы провала, но если так, то почему ты верно служил лидерам, воплощавшим дух 90-х, – Собчаку, а потом Ельцину? Путин наверняка искренне говорил о себе как о настоящем демократе, но очень одобрительно отзывался о служившем Гитлеру Иване Ильине и в духовники себе взял человека, для которого главным предметом веры является, очевидно, борьба с «западной цивилизацией»...

Перечисление подобных противоречий и курьезов можно продолжать до бесконечности. Получается какая-то «каша», набор противоречащих друг другу и гасящих друг друга представлений. Эта «каша» не может дать мотивации ни для какой ясной политики. Какую-то ясную идею можно претворять в жизнь, и это может получиться или не получиться, но если идеи – смутные и противоречивые, ничего определенного у тебя получиться не может. Ты идешь в каком-то направлении, но, когда заходишь слишком далеко, пугаешься и отходишь. Но если у политика нет общей политической идеи, ему трудно составить и ясные личные планы. Планирует ли Путин вернуться в 2012 году – он скорее всего и сам не знает («как сложится»).

Эта «каша» – не личная «каша» сознания нашего бывшего президента, а теперь премьера. Это «каша» нашего массового сознания. Каждый социологический опрос раскрывает в ответах примерно те же противоречия, которые мы видим у Путина. У нас общество – вроде бы не против демократии и никаких иных моделей устройства не имеет, но вроде бы и не за. Мы вроде бы считаем себя частью Европы, но боимся расширения НАТО и цветных революций. И т.д. и т.п. И идейная эволюция Путина повторяет идейную эволюцию общества.

Когда общество было убеждено, что КПСС и СССР – безальтернативны и на века, Путин был членом КПСС, очевидно, как и все, полуискренним. Когда оно шарахнулось к демократии и рынку, он помогал Собчаку. Когда в обществе пошла религиозная волна, он стал очень православным. (При виде Путина в церкви по телевидению у меня всегда возникает чувство, что именно с таким выражением лица он сидел в президиуме партсобраний в КГБ.) Когда общество стало сожалеть о потерянном СССР, и он стал жалеть и явно понимает, почему СССР погиб, не больше, чем большинство («оказался нежизнеспособным»).

И это – отнюдь не сознательное приспособление, не лицемерие. Просто сознание Путина – миниатюрный слепок массового, микрокосм повторяет макрокосм, с очень небольшими индивидуальными отклонениями. Отчасти поэтому Путин и был так популярен – любой человек с ясными взглядами вызывал бы у кого-то отторжение. Идейной аморфности общества соответствует идейно аморфная личность правителя. И если при этом личность правителя способна внушить уверенность, что она знает, куда идет, что у нее есть план, – ничего лучше быть не может. Можно дрейфовать в неизвестном направлении, будучи абсолютно спокойными, – капитан у руля.

Причудливость, запутанность теперешней ситуации и полная непредсказуемость нашего политического будущего – это в конечном счете порождение хаотичности, «кашеобразности» нашего массового сознания, сознания общества, не способного ни жить в условиях демократии, ни отказаться от нее, поскольку никаких альтернативных моделей у него нет. Сейчас оно застыло в ожидании, что решит начальство. Но в сознании начальства – те же противоречивость и неопределенность. Оно само не знает, куда плыть.

В лексике Медведева – несколько больше идейной определенности, чем у Путина. Путин никогда бы не сказал «свобода лучше, чем несвобода». (И наоборот – «несвобода лучше, чем свобода» – он бы тоже никогда не сказал.) Но особо большой определенности у него быть не может (тогда бы его Путин не избрал). И положение президента Медведева – значительно сложнее, чем в свое время у президента Путина, рядом с которым не было ни «Единой России», ни Путина-премьера. Так что дрейф в неопределенном направлении, очевидно, будет продолжаться. Что будет в 2012 году и позже, не знает никто – ни Медведев, ни Путин, ни тем более мы.